

Его ум, прежде наполненный бурлящими сомнениями, внезапно успокоился. Взгляд опустился, остановившись на руках Сюэ Кайчао. Тот сидел в расслабленной позе, явно не занимаясь практикой, поэтому руки его были свободны, пальцы естественно разведены. Шу Цзюнь, задумавшись, смело протянул руку, чтобы коснуться его пальцев.

Сюэ Кайчао молча наблюдал за ним, не пытаясь остановить. Наоборот, он взял руку Шу Цзюня в свою, словно используя её как грелку. Время шло, но его болезнь, связанная с холодом, не только не проходила, но и усиливалась. Даже после долгого сидения его руки и ноги оставались ледяными.

Однако погода становилась всё теплее. Шу Цзюнь, беспокоясь, часто крутился рядом, чтобы напомнить Сюэ Кайчао о необходимости согреться. После нескольких таких объятий они оба привыкли к физическому контакту, и это перестало казаться неловким.

Держа его за руку, Шу Цзюнь всё ещё ждал ответа.

Сюэ Кайчао никогда раньше не сталкивался с подобными вопросами, и сам находил это странным. Через мгновение он ответил:

— Тот, кто парит в небесах, обязательно укоренён в земле. Кажется, что это не имеет ко мне отношения, но кто действительно может отстраниться от мирских дел?

Шу Цзюнь не совсем понял, но уловил, что всё это связано с Сюэ Кайчао. Что касается того, как именно это связано и зачем ему нужна эта информация, он не особо задумывался и не пытался разобраться.

Раньше Шу Цзюнь лишь слышал разговоры и не знал, как на самом деле устроен мир. Он путешествовал с театральной труппой, видел множество печальных историй и читал о необычных людях в пьесах, но серьёзные дела всегда оставались за пределами его понимания. Он знал, что в мире есть два Владетеля Жетона, что сейчас правят две императрицы, и что власть императора ослабла, а чиновники погрязли в коррупции, каждый из них жаждет власти.

Но если спросить любого человека на улице, он сможет рассказать об этом, так что знание Шу Цзюня не было чем-то необычным.

Для него простые люди всегда жили в тяжёлых условиях. С самого детства он помнил, что налоги были непосильными, а богачи и чиновники постоянно высасывали из них кровь. Он не понимал, как это связано с ныншним положением Сюэ Кайчао.

Люди поклонялись Владетелям Жетона не один день, с самого основания государства прошли тысячи лет, и их всегда считали богами на земле. Боги и люди находятся в разных мирах, так как они могут быть связаны?

В душе Шу Цзюнь, вероятно, думал так же. Но он не был любопытным и не задавал лишних вопросов, лишь спросил:

— А что будет, когда мы вернёмся в столицу?

На самом деле он хотел спросить, не случится ли чего-то плохого в пути. Ю Юнь и другие усиленно охраняли их, что явно указывало на возможные опасности. Хотя Шу Цзюнь не верил, что Сюэ Кайчао может погибнуть, он знал, что сам легко может оказаться в беде, и это не давало ему покоя.

Конечно, Сюэ Кайчао спасёт его, но полагаться на хозяина в сохранении своей жизни было слишком самонадеянно. Только если все будут в безопасности, он сам сможет чувствовать себя спокойно.

Сюэ Кайчао не избегал его и не нуждался в уловках, чтобы говорить:

— Не волнуйся, в пути ничего не случится. Пора поесть, выйди и посмотри.

Шу Цзюнь сомневался, но не стал спрашивать дальше, кивнул и спустился с его колен. Поворачиваясь, он краем глаза заметил, как Сюэ Кайчао снова трогает несколько фиолетовых полевых цветов.

Эти цветы назывались «Тысяча дней счастья», росли у стен и в диких местах, и их можно было видеть круглый год. Обычно их считали сорняками, недостойными внимания знати, но Шу Цзюнь принёс их сюда, и Сюэ Кайчао обратил на них внимание.

Взгляд Сюэ Кайчао, падающий на них, и их контраст с белым фарфором придавали цветам нежность и трогательность, делая их вдруг ценными. Такая удача.

В пути, как и предсказывал Сюэ Кайчао, действительно не случилось ничего плохого. Иногда ночью Шу Цзюнь внезапно просыпался, слыша, как снаружи поднимается ветер, тихо вставал и заглядывал за занавеску, но ничего не видел. Тени деревьев стояли неподвижно, и ветра не было.

Он был поражён и напуган, быстро обернулся к Сюэ Кайчао и обнаружил, что тот тоже проснулся и спокойно смотрит на него.

Шу Цзюнь, смущённый, начал говорить первое, что пришло в голову:

— Я думал, что снаружи поднялся ветер, поэтому встал посмотреть.

Сюэ Кайчао откинул одеяло, приглашая его подняться, и спокойно сказал:

— Это не ветер, это гости пришли.

Шу Цзюнь вздрогнул, посмотрел на его лицо и увидел, что оно было спокойно, как зеркальная гладь воды. Его сердце внезапно успокоилось, и он, поднимаясь, спросил:

— Владыка, не хотите ли выйти и посмотреть?

Спокойствие Сюэ Кайчао делало страх Шу Цзюня похожим на трусость. Сюэ Кайчао лишь покачал головой, снова лёг на подушку, с безмятежным выражением лица, и обнял его:

— Не беспокойся, ничего не случится.

Значит, он всё знал. Шу Цзюнь почти считал его всемогущим и, естественно, не сомневался, снова устроился под одеялом, но сон не шёл. Сюэ Кайчао лежал рядом, и он боялся пошевелиться, тело его напряглось, глаза широко открыты.

Сюэ Кайчао на самом деле не спал, слышал его неровное дыхание и через мгновение тихо спросил:

— Боишься?

Его мир был подобен бескрайнему морю, то спокойному и ясному, то бушующему штормами и водоворотами. Для Шу Цзюня, который никогда не сталкивался с такими делами, внезапное попадание в водоворот было пугающим и не давало покоя.

Сюэ Кайчао с самого рождения был окружён ожиданиями. Его отец был добрым и беспечным, не подходил на роль Владетеля Жетона, и после рождения одарённого сына всё внимание семьи переключилось на Сюэ Кайчао. После смерти его матери, госпожи Дугу, он стал ещё более замкнутым, занимаясь лишь практикой, и через несколько лет передал титул Владетеля Жетона Сюэ Кайчао.

Сюэ Кайчао взошёл на престол под пристальным вниманием, но это не вызвало особых возражений. При его рождении вокруг дома вилась синяя дымка, и он почти сразу обрёл духовное тело, став известным по всему миру. К девятнадцати годам он уже не боялся взять на себя свои обязанности.

Но он никогда не чувствовал усталости или опасности, всё, что с ним происходило, не вызывало в нём волнения, он оставался спокойным. Лишь по реакции Шу Цзюня он начал понимать, что, возможно, должен был злиться.

Будь то зависть или покушения, это должно было вызывать гнев, но он не чувствовал ничего, лишь считал это смешным, как если бы муравей пытался сдвинуть дерево.

Если Владетель Жетона может быть легко убит, он не достоин защищать мир и народ. В начале основания государства правитель был воплощением дракона, а два Владетеля Жетона помогали ему, их духами были Цилян и Белый Тигр. С тех пор власть императора постепенно ослабевала, чиновники захватили контроль, Владетели Жетона стали превосходить их, и многие годы власть была слабой, пока не появился Сюэ Кайчао, чьим духом был Лазурный Цилян. Все говорили, что он, возможно, единственный в семье Сюэ, кто может сравниться с первым Владетелем Жетона, и в будущем сможет достичь таких же высот.

Окружённый такими словами и надеждами, Сюэ Кайчао с рождения был другим, его глаза были как у лотоса, без печали, без радости, без слёз. Со временем он и сам смотрел на себя без эмоций.

Что в этом могло вызывать гнев? Лишь борьба за славу и богатство. Сюэ Кайчао слышал рёв и звуки битвы снаружи, но не беспокоился о том, что не сможет вернуться.

Снаружи его охраняли тысячи солдат, внутри были шесть человек, включая Ю Юнь. Если он не сможет вернуться в столицу, он не был бы Владыкой Цинлинь.

Шу Цзюнь не знал о его планах и не мог разделить его спокойствия. Хотел отрицать, но понимал, что уже раскрыт, и после паузы тихо ответил:

— Да.

Раз он тоже не спал, можно было поговорить. Шу Цзюнь вытянул ноги, устроился поудобнее, одеяло натянул до подбородка, и в свете ночной жемчужины выглядел невинным:

— Владыка, вы действительно не беспокоитесь?

О чём беспокоиться, не нужно было объяснять.

Сюэ Кайчао полузакрыв глаза, одна рука лежала на пояснице Шу Цзюня, медленно скользя

вниз. Шу Цзюнь почувствовал неловкость, уши его слегка покраснели, и он на мгновение забыл прислушиваться к звукам снаружи.

— Чего боишься? Смерти? — Отношение Сюэ Кайчао ко всему этому было слишком холодным, что не соответствовало никаким ожиданиям Шу Цзюня.

Слова были настолько прямыми, что Шу Цзюнь сначала подумал, разве есть люди, которые не боятся смерти, а затем вспомнил, что Сюэ Кайчао почти не был человеком, так как он мог бояться смерти?

Или, возможно, его вообще можно было убить?

[Авторский комментарий: Шу Цзюнь тоже персонаж с историей. Не знаю, заметно ли, но когда его бросило в объятия Сюэ Кайчао, его тронули в интимном месте.]

<http://bllate.org/book/16142/1445392>